

Тан Хуай висел на нём буквально всем телом, ежесекундно настороже.

Сун Цинсуй твёрдо помнил свою миссию — защищать AD — и шёл максимально осторожно.

Дверь кабинета оказалась не заперта. Внутри — никого. На столе — стопка пожелтевших документов. Сун Цинсуй потянулся за ними — и из-за шкафа раздался оглушительный грохот.

Рука замерла. Он настороженно уставился в ту сторону. Объятие Тан Хуая стало ещё крепче.

Сун Цинсуй сглотнул, чуть повернул голову:

— Не бойся. Я впереди.

Ответа он не услышал. Только ощутил, как мягкие волосы коснулись его виска, и горячее дыхание — мерное, ритмичное — потекло по шее. Половина шеи начала гореть и покрываться потом.

Притом что температура в квесте была низкой, и на руках давно выступили мурашки.

Но теперь Сун Цинсуй уже не мог разобрать, от чего они: от холода или от чего-то другого.

Бам! Бам!

Шкаф тряхнуло.

Сун Цинсуй вздрогнул от неожиданности, стиснул зубы и от души пнул по шкафу. Изнутри донеслось «бум» — и болезненный стон средних лет:

— Ай-ёй...

Сун Цинсуй вытаращил глаза.

Тан Хуай тоже приоткрыл один глаз. Рука, обвивавшая Сун Цинсюя, рывком подхватила его и отнесла на несколько шагов назад.

Сун Цинсуй: ??

Он даже не успел осмыслить тот факт, что Тан Хуай только что поднял его одной рукой, — потому что шкаф распахнулся. Изнутри. Руками NPC.

— Это, оказывается, дверь?! — выпалил Сун Цинсюй.

Тан Хуай потёрся головой о его плечо — кивок: нет. Тихо:

— Не знаю. Боюсь смотреть.

NPC — в рубашке и брюках, типичный завуч — вышел, остановился и уставился на них. Лицо его начало стремительно меняться.

Тан Хуай снова отступил, прижимая к себе Сун Цинсюя:

— А-Сюй, он ушёл? Мне страшно.

Сун Цинсюй шёпотом:

— Не ушёл. Стоит прямо перед нами.

Завуч (про себя): Парень, можно хотя бы не пялиться на меня, пока врёшь? И вообще — шкаф пнул ты, верно?! У тебя рост за метр восемьдесят, и ты ещё издеваешься над пожилым NPC? Безобразие!

— Кхм! — завуч откашлялся, заложил руки за спину и прошествовал к столу. Бросил на них ещё один взгляд — и грохнул кулаком по столешнице!

Сун Цинсюй дёрнулся. На глазах у него стол покрылся облаком пыли.

Этот «хейтер» ещё и вспыльчивый.

— Из какого вы класса?! Сейчас — урок! Вы что, прогуливаете?! Ещё и ко мне в кабинет залезли!

Сун Цинсюй помнил свою роль. С каменным лицом:

— Второй курс, седьмой класс.

Помедлил — и на ходу сочинил:

— Классный руководитель прислал за документами. Сказал, вы знаете.

Завуч:

— Какие документы?! Я вижу — вас надо перевоспитать! Я вам объясню: такие ученики, как вы, которые прогуливают, — в жизни ничего не добьются!

— Перевоспитать? Что значит «перевоспитать»? — спросил Сун Цинсюй.

Тан Хуай холодно:

— Завуч, он — первый в параллели.

Это не было ложью: после перевода в школу города S Сун Цинсюй действительно сдал первый экзамен на первом месте. Правда, следующие два раза опустился на второе.

Сун Цинсюй не ожидал, что Тан Хуай помнит. Удивлённо посмотрел на него.

Завуч внутренне взвыл. Ему и в голову не приходило, что попадутся такие игроки.

Оставалось продвигать сюжет.

— Первый в параллели?! Отлично — проверю! Прочитайте мне «Песнь о дворце Эпан» — полностью, наизусть. Ошибётесь хоть в одном иероглифе — перевоспитаю!

Значит, от декламации не уйти.

Классическая проза — Сун Цинсюй учил быстро, но и забывал с той же скоростью. После вступительных экзаменов большая часть выветрилась; в голове — только общий контур.

Завуч увидел его нерешительность и тут же:

— Первый в параллели, говорите? Списывал, небось! Ничего ты не знаешь! Тебе не место среди хороших учеников!

Тан Хуай холодно посмотрел на него:

— Завуч, я вижу, вы очень торопитесь. Но пожалуйста, не торопите нас.

Сун Цинсюй:

— Кто сказал, что я не знаю?

У завуча чуть усы не перекосились.

Это вообще допустимо? Где справедливость? Первый — NPC, а унижают — его?!

Он открыл рот — но Сун Цинской уже начал:

— «Шесть царств пали, четыре моря объединились. Горы Шу оголены — дворец Эпан воздвигнут. Простёрся на триста с лишним ли, затмевая небо и солнце... Наложницы и невестки, потомки государей... Потомки скорбят, но не извлекают урока — и грядущие поколения снова скорбят о потомках.»

Пятьсот четыре иероглифа. Ни единой запинки, ни одной ошибки.

Сун Цинской приподнял бровь:

— Всё, завуч. Что дальше?

Тан Хуай тут же подхватил:

— Завуч, и что дальше?

У завуча дёрнулся уголок рта. Он сейчас чувствовал себя настоящим завучем перед двумя хулиганами — и ничего не мог поделать.

Этот квест был фирменным именно потому, что выбор игроков в ключевых точках менял финал. А «Песнь о дворце Эпан» до конца читали единицы. Завуч уже забыл, какая ветка сюжета открывается при успешном прочтении!

К счастью, хозяин бара следил за камерами и тут же скинул подсказку в наушник:

— Ящик! Ящик!

Завуч невозмутимо открыл ящик стола и швырнул на стол такую же пыльную папку:

— На этот раз пощажу. Но в следующий — удачи вам не видать!

Едва он договорил, в коридоре загремели шаги и низкий рёв: звуки приближались — быстро.

Дверь кабинета они закрыли ещё при входе, но по тому, что творилось снаружи, Сун Цинсюй невольно занервничал.

Он не отрывал глаз от тонкой двери. Рука зашарила по телу — нашла ладонь Тан Хуая и переплела пальцы.

— Ничего, — сказал он. — Скорее всего, не войдут.

Завуч подозрительно:

— Что вы делаете?

Тан Хуай:

— Вы не слышите шум?

Завуч:

— Какой шум? Вы просто ищете повод не возвращаться на урок!

Сун Цинсюй:

— Можно подумать, вам до уроков есть дело. Через минуту сюда ворвутся — и вас утащат.

Не успел он закончить фразу — NPC в школьной форме вышиб дверь ногой. За ним хлынули ещё пять-шесть, схватили завуча — и он тут же «отключился», словно кто-то нажал кнопку. Ни секунды сопротивления.

Уходя, один из «учеников» вежливо закрыл за собой дверь.

Сун Цинсюй: ...

Это — десять звёзд? Серьёзно?

Ложная реклама в чистом виде!

Он скептически поцокал, подвёл Тан Хуая к столу и взял папку из ящика. Не успел раскрыть — из коридора снова донеслись мерные шаги и истошные крики завуча:

— Не рубите мне руку!

— Не режьте мою плоть!

— Я ни в чём не виноват!

— А-А-А!!!

Ладони Сун Цинсюя покрылись испариной. Но именно в такие моменты он был на пике: чем опаснее — тем яснее голова. Сун Цинсюй от природы любил адреналин. Да ещё перед Тан Хуаем — редкий случай, когда тот сам показывает слабость, — нужно показать себя.

Сун Цинсюй не осознавал, что его поведение давно вышло за рамки и «тиммейта», и «партнёра по договору». Сейчас он был похож на мальчишку, который отчаянно хочет произвести впечатление на первую красавицу класса.

Тан Хуай молча смотрел на него. Сердце — переполнено. Вытяти любое чувство — оно будет связано с Сун Цинсюем.

Бежать наружу бессмысленно — столкнутся с NPC. Остаться — тоже: NPC уже показали, что умеют вышибать двери.

Что делать?

На мгновение Сун Цинсюй перенёсся на прошлогодний чемпионат мира. Последняя карта против KPG: в середине игры — точно такой же тупик. Любой мидер в мире, сидя на его месте, понимал бы: проигрыш неизбежен.

И он проиграл.

Но сейчас ему отчаянно хотелось проверить: когда обе дороги ведут в никуда — существует ли третья?

Сун Цинсюй выдохнул, мгновенно осмотрел кабинет — и его взгляд застыл на шкафу.

Тан Хуай спокойно:

— А-Сюй, может, спрячемся в шкафу?

— Мы полезем в шкаф, — сказал Сун Цинсюй, — но не прятаться. Мы выйдем через него.

Он втянул Тан Хуая внутрь. В ту секунду, когда Тан Хуай закрыл дверцу за собой, дверь кабинета снова вылетела. Увидев пустую комнату, NPC-ученики взвыли от ярости.

Но для Сун Цинсюя и Тан Хуая это был уже шум позади — далёкий и неважный.

Проход за шкафом оказался узким — уже коридора. Стены с обеих сторон оклеены пожелтевшими газетами, отчего было ещё жутче.

Тан Хуай почти целиком лежал на Сун Цинсюе, но — удивительно — это ничуть не мешало им двигаться.

В мониторной, откуда велось наблюдение, эти двое выглядели необыкновенно: тела — впритирку, шаг — синхронный, амплитуда рук — одинаковая. Словно один человек и его тень.

Минут через пять петляний Сун Цинсюй жестом остановил Тан Хуая:

— Стоп. Мы вернулись к входу в шкаф.

Тан Хуай:

— Коридор кольцевой. Мы ходим по кругу.

Открытие — не из приятных.

Сун Цинсюй нахмурился и замолчал. Значит, третьего пути нет?

Значит, этот тупик невозможно пробить? Но он больше не мог позволить себе проиграть.

Сун Цинсюй. River. Эти имена — только рядом с победой.

Тан Хуай не торопил. Он чуть отступил и внимательно осмотрел стены.

Судя по пройденному кругу — это кольцевой коридор. Но ширина неравномерная: есть участки около восьмидесяти сантиметров, а здесь — не больше семидесяти.

Длина — небольшая: полный круг за несколько минут.

Его взгляд остановился на газетах. Наклонился. В тусклом свете текст на пожелтевшей бумаге проступил отчётливее.

Все даты — десятилетней давности. Содержание — обычное для газет. Ничего аномального.

Но раз этот проход существует — значит, он является частью квеста. Значит, решение есть. Нужно только время.

Сун Цинсуй вырвался из петли «поражение — безысходность». Тан Хуай уже некоторое время разглядывал газеты.

Глубокий вдох. Он постарался выглядеть как обычно, подсел к Тан Хуаю и спросил:

— Что нашёл? Есть что-то полезное?

Тан Хуай тихо:

— Ничего особенного. Старые газеты, десять лет назад. Все — за май.

Сун Цинсуй опустил ресницы — и резко втянул воздух.

Кажется, он понял.

Тан Хуай повернулся:

— Что?

— Когда мы шли сюда, ты был напуган и мог не заметить. Но внешний коридор тоже кольцевой. Первая комната — на повороте.

Тан Хуай кивнул: продолжай.

Сун Цинсуй облизнул пересохшие губы и продолжил рассуждать:

— Значит, квест — это большое кольцо, внутри которого — маленькое. Маленькое — скрытое, поэтому мы его сразу не увидели.

— Это школа. Большое кольцо — обычный коридор с классами по одной стороне. А по другую сторону — что?

— Внутренняя стена классов, — машинально ответил Тан Хуай. И тут же понял.

Бледные пальцы Сун Цинсюя легли на стену. Шершавый холод обжёг ладонь.

— Если я разом покупаю кучу газет и оклеиваю ими стену — это потому, что это самый дешёвый и быстрый способ замаскировать поверхность. Тан Хуай, как ты думаешь — что за этими газетами?

Тан Хуай тихо рассмеялся:

— Оторви — и узнаем.

Он обнял Сун Цинсюя, прижал его голову к своей груди, свободной рукой подцепил отклеившийся край газеты — и одним движением сорвал целый лист. Пыль осыпалась ему на плечи, но Сун Цинсюй, укрытый в его объятиях, не получил ни пылинки.

За газетой — чёрное стекло.

Сун Цинсюй не успел расстроиться. Он слушал мощное, ровное биение сердца Тан Хуая — и вдруг осознал: его собственный пульс быстрее.

Если человеку действительно страшно — разве его сердце бьётся так спокойно?

Он повернул голову и посмотрел на худое лицо Тан Хуая в профиль.

— Тан Хуай. Тебе ведь вообще не страшно. Правда?

— Правда.

Признание прозвучало мгновенно — так легко, что Сун Цинсюй растерялся.

Тан Хуай прижал его к стене. Взял за подбородок и заставил смотреть себе в глаза:

— А почему не спрашиваешь дальше? Не хочешь знать, зачем я притворялся?

Сердце Сун Цинсюя колотилось всё быстрее — будто прорывалось сквозь какую-то преграду, стремясь наружу, к другому сердцу, которое тоже начинало сбиваться с ритма.

— Почему?

Тан Хуай медленно наклонился. Его колено властно раздвинуло ноги Сун Цинсюя. Ледяной голос — и вместе с тем обжигающий — ворвался прямо в сердце:

— Потому что я не хотел, чтобы тебя обнимал Ли Сичэнь.

Его горячее дыхание коснулось лица Сун Цинсюя.

— Потому что обнимать тебя — хочу только я.

<http://bllate.org/book/18105/1736425>